

Міністерство освіти і науки України
Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне
товариство

ХАРКІВСЬКИЙ
ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНИЙ
ЩОРІЧНИК

СТАРОЖИТНОСТІ

2010

СТАТТІ
ПУБЛІКАЦІЇ
НОТАТКИ
РЕЦЕНЗІЇ
ХРОНІКА

ВИПУСК 9
Видається з 1994 року

Харківське історико-археологічне товариство
ТОВ «НТМТ»
2010

В. С. Аксенов

Новые раннесалтовские погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии

Несмотря на сравнительно неплохую изученность хазарских древностей бассейна Северского Донца комплексы раннесалтовского времени представлены единичными находками. Каждый новый открытый такой комплекс может способствовать решению одного из ключевых вопросов хазароведения — определения нижней хронологической границы салтово-маяцкой археологической культуры. На сегодняшний день наиболее признанным среди специалистов является мнение С. А. Плетневой, разделявшей гипотезу о появлении алан в бассейне Северского Донца после похода Мервана 737 г., что первые поселения и могильники салтовской культуры должны были возникнуть в бассейне Северского Донца в 50–60-х гг. VIII в. [1, с. 168–169]. Памятники начального этапа становления салтовской культуры в настоящее время выделяются исследователями в хронологический горизонт Столбиче-Старокорсунская (740–790 гг.) [2, с. 123–129; 3, с. 42–66].

Два новых погребальных комплекса этого хронологического горизонта были открыты в 2009 г. на Нетайловском грунтовом могильнике, расположенном напротив хорошо известного Верхне-Салтовского городища.

Погребение № 491. Захоронение было произведено в большой могильной яме, размеры которой в верхней части, на уровне ее обнаружения, составляли $3,4 \times 1,54$ м. Могильная яма в верхней части имела в плане форму вытянутого овала, ориентированного своей продольной осью вдоль линии восток — запад с незначительным сезонным отклонением к северу (азимут 75°) (рис. 1, 1). В своей верхней части стенки могильной ямы, кроме западной стенки, были наклонными. На глубине — 1,4 м вдоль южной боковой стенки ямы была зафиксирована ступенька шириной 0,1–0,12 м. С этой же глубины и до дна северная, восточная и западная стенки могильной ямы стали вертикальными, тогда как южная боковая стенка имела небольшой наклон. Дно могильной ямы фиксировалось на глубине — 1,9 м. Дно ямы в плане имело форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами, который имел в западном своем конце незначительное расширение, направленное в южную сторону. Размеры могильной ямы по дну составляли: длина 2,98 м, ширина по восточному краю 0,78 м, максимальная ширина в районе расширения 1,07 м, ширина по западному краю 0,82 м.

В верхних слоях заполнения ямы (до глубины — 1,4 м), состоящих из темно-серой супеси, встречались отдельные фрагменты салтовских керамических сосудов (рис. 2, 3–5) и мелкие древесные угольки. В заполнении могильной ямы на глубине — 1,4 м, в западном краю ямы рядом с южной боковой стенкой, было найдено железное стремя (рис. 1, 19). В этой же части ямы, на глубине — 1,5 м, лежали железное сбруйное кольцо и железная рамчатая сбруйная пряжка (рис. 1, 15, 17). Ниже обнаруженного стремени, чуть к западу от него на глубине — 1,7 м был зафиксирован череп коня

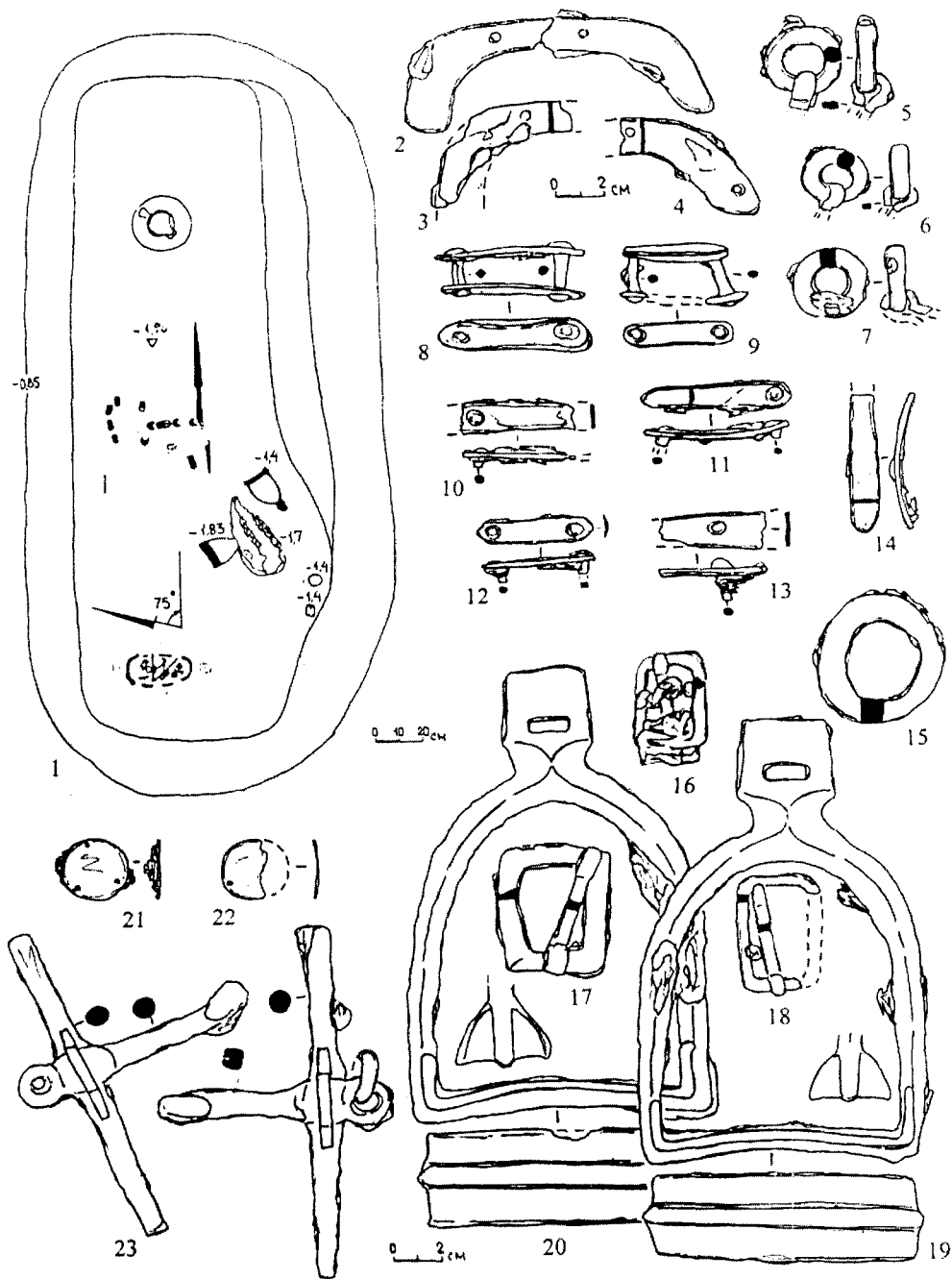

Рис. 1. Погребение № 491 Нетайловского могильника:

1 – план погребения; 2–4 – оковки передней луки седла; 5–7 – кольца с остатками скоб; 8, 9 – скобы – оковка луки седла; 10–14 – оковки полок седла; 15 – сбруйное кольцо; 16–18 – сбруйные пряжки; 19, 20 – стремена; 21, 22 – фалары; 23 – удила; 2–23 – железо

Рис. 2. Инвентарь погребения № 491:

1 — наконечник копья; 2 — нож; 3–5 — фрагменты салтовских сосудов из заполнения могильной ямы; 6 — пряжка от ремней оголовья; 7 — фалар; 8 — фрагмент пряжки; 9, 10 — бусы; 11 — поясная пряжка; 12, 13 — поясные бляшки; 14 — наконечник пояса; 15 — кувшин; 1, 2, 8 — железо; 3–5, 15 — глина; 5, 7, 11, 14 — бронза; 9, 10 — стекло; 12, 13 — серебро

без нижней челюсти, обращенный резцовой частью в северо-восточный угол могильной ямы. Череп коня лежал вверх жевательной поверхностью зубов. Непосредственно под конским черепом, на глубине — 1,83 м, лежало второе стремя (рис. 1, 20). Расположение данных вещей свидетельствует, что стремяна, череп коня без нижней челюсти, сбруйная пряжка и сбруйное кольцо были положены в могилу после того, как она уже была частично засыпана грунтом.

На дне могильной ямы останки человека в виде костей обнаружены не были (рис. 1, 1). При этом погребальный инвентарь располагался на местах, соответствующих нахождению его на теле погребенного человека. В 0,53 м от восточной торцевой стенки стоял крупный салтовский столовый кувшин (рис. 2: 15). Венчик сосуда имел частичные повреждения, полученные еще в древности, до помещения кувшина в захоронение. В 0,32 м к западу от сосуда, параллельно южной боковой стенке ямы, лежал крупный наконечник копья бронебойного типа с остатками древка во втулке (рис. 2, 1). К северу от втулки копья было зафиксировано пятно органического тлена подовальной формы темно-коричневого цвета и размером 0,4 × 0,2 м. Разборка пятна показала, что оно состояло из нескольких слоев. В нем удалось проследить слой древесного тлена, поверх которого лежало не менее трех слоев органики — ткань, войлок, кожа. Сверху этого пятна лежала крупная поясная пряжка с ажурным щитком (рис. 2, 11), по обе стороны от которой находилось по одной литой поясной бляшке подкововидной формы (рис. 2, 12). Еще одна подобная бляшка располагалась у обреза краю втулки копья — как бы продолжая линию пояса. Подкововидная поясная бляшка также располагалась в 8 см к северо-западу от щитка поясной пряжки. В пятне органики, между слоями ткани и войлока, к северо-востоку и северу от поясной пряжки были найдены пять литых поясных бляшек с прямоугольной петлей в нижней части щитка (рис. 2, 13). Три из пяти бляшек данного типа лежали внутренней стороной вверх. В 7 см к западу от поясной пряжки были зафиксированы фрагменты железной рамчатой пряжки (рис. 2, 8), вероятно, от второго поясного ремня. В 9 см к западу от края втулки копья параллельно южной боковой стенке ямы лежал железный черешковый нож с остатками деревянных ножен на лезвии (рис. 2, 2). В 4–6 см к северу от ножа был обнаружен крупный литой наконечник пояса, поле которого украшено ажурным растительным орнаментом (рис. 2, 14). Наконечник покоился лицевой стороной вверх. На уровне закругленного конца наконечника пояса, на расстоянии 13 см от северной боковой стенки ямы, параллельно ей, была зафиксирована низка бус из 13 бусин. В низку входил бисер синего цвета (рис. 2, 10) и одна шаровидная бусина фиолетового цвета (рис. 2, 9). Возможно, данная низка бус была подвешена к поясу погребенного человека, но не исключено, что она была посмертным даром жены умершего воина.

В западном краю могильной ямы, на ее дне, на расстоянии 0,18 м от северной и в 0,24 м от западной стенок, был зафиксирован конгломерат железных вещей, скрепленных между собой песком грязно-коричневого цвета. Из этого конгломерата были извлечены: удила с гвоздевидными псалиями (рис. 1, 23); железные оковки передней луки седла (рис. 1, 2–4); металлические пластины, служившие оковкой края полков седла (рис. 1, 10–14); две металлические склепы — оковки луки седла (рис. 1, 8, 9); пять колец с остатками металлических скоб (рис. 1, 5–7), одна целая сбруйная пряжка и фрагменты еще одной пряжки (рис. 1, 16, 18); два железных фалара круглой формы и несколько их фрагментов (рис. 1, 21, 22) с прикипевшими остатками ткани; бронзовая пряжка с рамчатым щитком пятиугольной формы (рис. 2, 6) от оголовья и маленький бронзовый штампованный фалар (рис. 2, 7). Таким образом, в западном краю ямы, по-видимому, было положено седло и уздечка коня с удилами.

Заполнение могильной ямы, положение и состав погребального инвентаря свидетельствуют о том, что захоронение не было потревожено в древности. Отсутствие костяка человека объясняется естественными причинами.

Многие типы вещей данного погребения широко распространены в памятниках кочевого и оседлого населения Юго-Восточной Европы хазарского времени. Принадлежности конской сбруи (удила, стремяна, сбруйные пряжки и кольца), наконечник копья находят широкие аналогии в аланских и тюрко-болгарских памятниках салтовской культуры бассейна Северского Донца [4, с. 102, 105, 106, рис. 3: 1; 4: 4: 8, 10; 5, с. 56, 57, рис. 1: 6, 15, 17, 18; 2: 24, 26]. Бусы, представленные в данном захоронении, характерны для комплексов VIII—X вв. Юго-Восточной Европы и хорошо представлены в салтовских древностях Подонья [6, с. 232; 7, с. 227, 228, рис. 1: 11, 22, 23]. Кувшины, типологически близкие кувшину из погребения № 491 (вид Б по классификации К. И. Красильникова), встречаются на памятниках как лесостепного (Дмитриевский, Рубежанский, Старо-Салтовский, Верхне-Салтовский катакомбные могильники) [1, с. 123; 8, рис. 7: 4; 9, рис. 8: 4, 5–9; 10, рис. 14: 4, 8], так и степного вариантов салтовской культуры [11, с. 105, рис. 3: 7; 4: 2, 5]. Кувшины данного типа численно преобладают среди керамических сосудов в ямных захоронениях того же Нетайловского могильника [12, рис. 2: 2; 13, рис. 9: 1, 3, 5; 14, рис. 6: 5; 7: 4; 9: 2; 11: 13; 13: 3, 16]. Интерес вызывают найденные в захоронении № 491 железные кольца с остатками железных пластинчатых петель (рис. 1, 5–7). Подобные кольца лучшей сохранности, вставленные в петли с загнутыми концами, были найдены в комплексе 25 Молдовановского могильника (Краснодарский край), который датируется VIII в. [15, с. 279, рис. 3: 8, 9]. Данные кольца, вбитые на скобах в деревянные полки седла, использовались для приторачивания к седлу поклажи воинами-всадниками и рядовым населением, ведущим кочевой/полукочевой образ жизни.

Таким образом, большая часть инвентаря погребения № 491 датируется VIII—IX вв. Поэтому существенную роль в датировке настоящего погребального комплекса играет поясной набор, состоящий из пряжки, наконечника пояса и девяти поясных бляшек.

Пряжка из данного погребения — шарнирная с овальной рамкой, язычком с выступом-ограничителем на заднем конце и щитком, украшенным ажурным растительным декором (рис. 2, 11). Основу орнаментальной композиции составляют симметрично извивающиеся растительные стебли, перевитые жгутом. Общая высота пряжки составляет 5,2 см. Ширина овальной рамки 3,3 см, ширина щитка 2,5 см. Данное изделие может быть отнесено к кругу пряжек, ведущих свое происхождение от крымско-византийских поясных бляшек типа «Тепсень» [16, с. 106–108, рис. 1: 9, 12, 15, 22, 49; рис. 2: 1, 16, 34, 40]. Типологически близкие поясные пряжки встречаются в ряде склепов (№ 204, 303, 384, 402, 522) Скалистинского могильника в Крыму [17, рис. 12, 21, 65: 8, 96: 7, 8]. По материалам Крыма подобные поясные пряжки А. И. Айбабин связывает с комплексами начала—середины VIII в. [18, с. 130, рис. 4: 3–16]. Типологически близкие поясные пряжки характерны для брусяновского этапа эволюции поясных наборов Среднего Поволжья, который А.В. Богачев датирует концом VII—первой половиной VIII вв. [19, с. 155–156, рис.—29]. Однако, наиболее близкой аналогией пряжке из рассматриваемого захоронения является пряжка из погр. № 2 кургана 1 могильника Саловского на Дону, найденная вместе с золотым солидом Льва III Исавра (чеканен в Константинополе около 737–741 гг.) [20, рис. 17: 1].

Поясные бляшки представлены двумя видами. Четыре литые бляшки подковообразной формы, лицевая сторона украшена растительным орнаментом (рис. 2, 12). Орнамент дополнительно проработан резцом. Высота бляшек составляет 2,3 см, максимальная ширина 2,3 см. К мягкой основе пояса бляшки крепились при помощи двух шпеньков высотой 4 мм. Литые или штампованные бляшки данного вида встречаются в погребении из Ленинхавля, из погр. № 185 могильника Казазово, из склепа № 181 могильника Эски-Кермен, в комплексе из Столбича, из погр. № 1 могильника Старокорсунская, в комплексе из с. Тополи [16, рис. 1: 25, 30, 32, 47; рис. 2: 38; рис. 3: 10; 21, рис. 4: 14, рис. 8: 44; 22, рис. 31: 3]. Наиболее близкими аналогиями найденным

в погр. № 491 бляшкам являются штампованные подкововидные бляшки из катакомбы № 21 Старо-Салтовского могильника, датируемой второй половиной VIII в. [9, рис. 7: 25].

Пять литых накладок имеют ажурный щиток, в нижней части которого расположена прямоугольная петля (рис. 2, 13). Высота накладок составляет 2,4 см, максимальная ширина — 1,7 см. Поле накладок украшено симметричным изображением побегов. К кожаной основе бляшки крепились с помощью двух шпеньков высотой 3 мм. Подобные накладки встречены в погр. № 8 Старокорсунского могильника [21, рис. 9: 49], в кургане 5 могильника Кривая Лука XXVII [23, рис. 7: 7], в погр. № 2 кургана 1 Саловского могильника [20, рис. 17: 5, 6].

Наконечник пояса крупный литой вытянутой U-образной формы с двумя петельками, расположенными параллельно плоскости наконечника (рис. 2, 14). Размеры изделия 5,5 × 2,5 см. Поле наконечника декорировано ажурным симметричным растительным орнаментом. Прямые аналогии данному наконечнику нам не известны. Однако орнамент, украшающий данный наконечник, сопоставив со вторым вариантом композиции из растительных стеблей, представленном на раннесалтовских наконечниках крымско-византийской художественной традиции хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская [16, с. 111, рис. 3: 22, 23].

Таким образом, все детали данного поясного набора из погребения № 491 находят широкие аналогии в хазарских комплексах хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская [2, табл. 3: 37, 38, 52–57, 102–105; 24, рис. 3: 6, 7, 17–19], и поэтому рассматриваемое захоронение может быть датировано рамками 740–775 гг. н. э. (этап Ia, Ib раннесалтовского горизонта) [2, с. 132].

Интересным является тот факт, что в отличие от захоронений хазар типа Соколовской балки, для которых характерно помещение в могилу рядом с человеком (слева от погребенного) лошади («взнузданная» и «оседланная» шкура/целый костяк) [25, с. 165; 26, с. 18], мужчину-воина из погребения № 491 сопровождал только череп коня. Череп коня был уложен над ногами погребенного мужчины, ближе к южной боковой стенке могильной ямы, и ориентирован резцовой частью в сторону головы человека. Рядом с черепом коня были уложены предметы конского снаряжения (удила, стремена, сбруйные пряжки). В ногах человека было положено седло (металлические оковки лук седла, оковки полок седла, петли для приторачивания поклажи) и уздечка с удилами. Состав и расположение конских останков и принадлежностей конской сбруи в данной могиле соответствуют угорской погребальной традиции [27, с. 66; 28, с. 105; 29, с. 83]. Подобным образом расположены останки коня (черепа коня лобной частью вверх, резцовой частью — к голове погребенного, над кучкой сложенных костей ног коня, несколько сбоку — слева — от ног человека) в тех немногих венгерских погребениях, которые были открыты на территории Украины [30, рис. 2, 7; 31, с. 81], и в тюрко-угорских захоронениях салтовского времени с территории Среднего Поволжья (Больше-Тиганский, Танкеевский, Больше-Тархановский могильники) [32, с. 71; 33, с. 23, рис. 8а]. Отдельные погребения с подобным расположением конских останков, датируемые VII—началом VIII вв., происходят из Восточного Приазовья (погр. 5, кургана 4 у хут. Крупской) и связываются отдельными исследователями с болгарскими племенами раннего средневековья [34, табл. 1, с. 233].

Исходя из всего вышесказанного, мужчину-воина, погребенного в захоронении № 491, можно считать представителем достаточно привилегированной тюрко-угорской группы кочевников в социальной структуре раннесалтовского населения бассейна Северского Донца. Различия в погребальной обрядности и составе инвентаря между данным захоронением и хронологически близкими ему погребениями типа Соколовской балки, не позволяют видеть в погребенном мужчине представителя хазарского этноса.

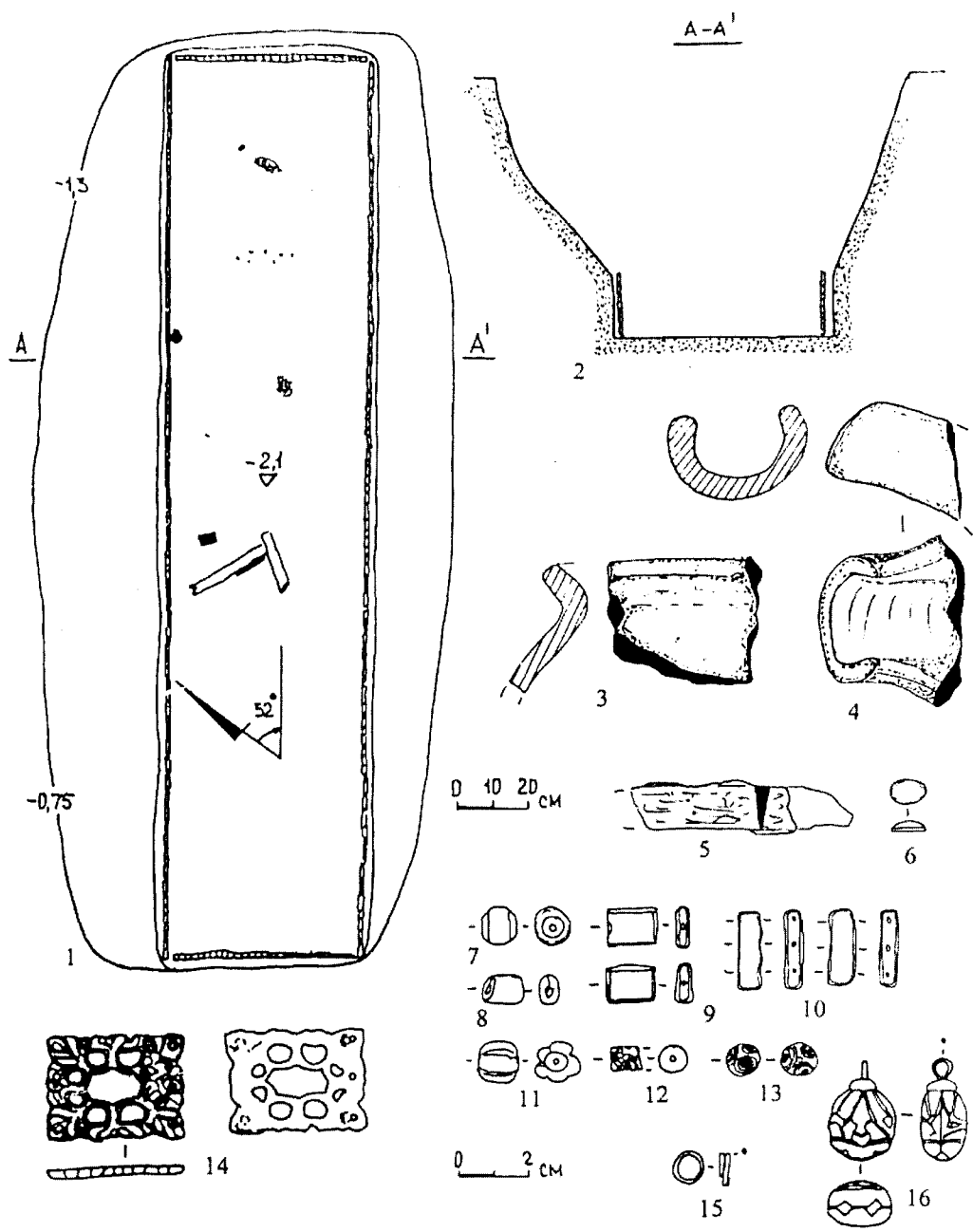

Рис. 3. Погребение № 498 Нетайловского могильника:

1 — план погребения; 2 — профиль могильной ямы; 3, 4 — фрагменты салтовских сосудов из заполнения могильной ямы; 5 — нож; 6 — вставка в перстень; 7–13 — бусы; 14 — бляшка-оправа; 15 — колечко; 16 — бубенчик. 3, 4 — глина; 5 — железо; 6 — янтарь (?); 7–13 — стекло; 14–16 — серебро

Погребение № 498 было произведено в могильной яме, размеры которой по уровню зачистки составляли $2,8 \times 1,18$ м. В верхней части могильная яма имела в плане овальную форму и была ориентирована своей длинной осью вдоль линии СВ—ЮЗ (азимут 52°) (рис. 3, 1). Заполнение могильной ямы в верхней части состояло из темно-серой супеси, почти без примеси материкового песка, с вкраплениями мелких древесных угольков и отдельных фрагментов салтовских сосудов (рис. 3, 3, 4). С глубиной цвет заполнения могильной ямы не менялся. Однако удалось проследить, что у северо-восточной и юго-западной торцевых стенок могильной ямы имеются останцы первоначального заполнения клиновидной формы, состоявшие из светло-серой супеси, перемешанной со светлым материковым песком. При этом количество материкового песка при приближении ко дну ямы в этих останцах увеличивалось. Поэтому цвет первоначального заполнения у северо-восточной и юго-западной торцевых стенок могильной ямы изменялся с глубиной от насыщенного светло-серого сверху ямы до грязно-светло-желтого у ее дна. Такая структура заполнения могильной ямы позволяет утверждать, что в древности данное захоронение вскрывалось. Предположительно, первоначально могильная яма, по-видимому, имела в плане форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами, но в процессе преднамеренного вскрытия могилы были разрушены первоначальные боковые стенки ямы, а само пятно могильной ямы в плане приобрело форму, близкую к овалу. Косвенно это подтверждается состоянием боковых стенок могильной ямы, которые имеют разную степень покатости. Стенки могильной ямы, кроме юго-западной торцевой, с глубины — 1,3 м и до отметки — 1,9 м были наклонными. С отметки — 1,9 м от уровня современной поверхности и до дна ямы ее стенки были отвесными (рис. 3, 2). Дно могильной ямы располагалось на глубине — 2,1 м. Размеры могильной ямы по дну составляли: длина 2,74 м, ширина 0,6 м.

На дне могильной ямы были зафиксированы остатки деревянного гроба-рамы в виде темно-коричневого древесного тлена, расположенного по периметру могильной ямы (рис. 3, 1, 2). Размеры гроба-рамы составляли: длина 2,7 м, ширина 0,57 м, высота 0,18–0,2 м. Дном гроба служила какая-то органическая подстилка, сохранившаяся местами на дне ямы в виде пятен светло-коричневого цвета. Пространство между стенками могильной ямы и стенками гроба-рамы было минимальным, из-за чего можно предположить, что стенки гроба-рамы были просто обкладками стенок могильной ямы в ее нижней части.

На дне гроба полный костяк погребенного человека отсутствовал. Человеческие останки были представлены разнесенными в пространстве двумя кучками костного тлена с зубами (череп и нижняя челюсть) и двумя длинными трубчатыми костями (кости ног), лежавшими одна на другой под углом в 80° . Сохранность костей плохая. Одна кучка человеческих останков, состоящая из костного тлена и человеческих зубов, располагалась на расстоянии 0,34–0,38 м от северо-восточной торцевой стенки ямы. Вторая кучка (костный тлен, зубы человека) находилась в 0,6 м к юго-западу от первой кучки. Лежавшие углом длинные трубчатые кости человека находились почти по центру гроба-рамы. Расположение костных останков однозначно свидетельствует о преднамеренном вскрытии могилы в древности, которое сопровождалось разрушением скелета человека.

На дне могильной ямы был обнаружен следующий погребальный инвентарь: на расстоянии 0,3 м от северо-восточной торцевой стенки и в 0,22 м лежала янтарная (?) вставка в перстень (рис. 3, 6); на расстоянии 0,6–0,65 м от северо-восточной стенки была обнаружена россыпь бус (9 экз.) (рис. 3, 7–13); на расстоянии 0,87 м от северо-восточной стенки, рядом с правой боковой стенкой лежал штампованный бубенчик из металла белого цвета (рис. 3, 16) и маленькое серебряное проволочное колечко (рис. 3, 15); на расстоянии 1,5 м от северо-восточной торцевой стенки рядом

СТАТЬИ

с правой боковой стенкой ямы была найдена литая ажурная бляшка-накладка прямоугольной формы (рис. 3, 14). Бляшка лежала внутренней стороной вверх.

Состав и структура заполнения могильной ямы, расположение погребального инвентаря свидетельствуют о том, что захоронение было потревожено в древности. Отсутствие большинства костей человеческого скелета может быть объяснено как причинами естественного характера, так и возможным их изъятием из могилы в процессе ее повторного вскрытия.

Личные украшения, представленные немногочисленными бусами (рис. 3, 7–13), обнаруженные в данном погребении, имеют широкий круг аналогий в салтовских древностях второй половины VIII—IX вв. [7, рис. 1: 12, 14, 18–20; рис. 2: 2, 22]. То же можно сказать и в отношении черешкового ножа, вставки в перстень. Что касается серебряного штампованного бубенчика, тулово которого украшено растительным орнаментом из цветков лотоса (рис. 3, 16), то для «классических» салтовских древностей больше характерны бронзовые литые бубенчики, украшенные вертикальными гранями или рядом прорезных линий, и бронзовые бубенчики с шаровидным туловом из двух половинок [35, с. 150, рис. 37: 18, 19, 21]. Техника изготовления и материал сближает данный бубенчик с бубенчиками, найденными в погребении № 164 Б Нетайловского могильника [36, abb. 3: 1–3] и датированного по найденным в нем элементам поясной гарнитуры и золотому солиду Константина V Капронима (чеканен 751–757 гг.) самым концом хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (70–90 гг. VIII в.) [2, с. 131]. Поэтому, серебряный бубенчик из погребения № 498, по-видимому, следует датировать второй половиной VIII в.

В состав погребального инвентаря входила серебряная литая поясная бляшка-накладка (рис. 3: 14). Размеры изделия 3,7 × 2,8 см. Орнамент подправлен резцом. Подобные поясные бляшки с прямоугольной прорезью посередине, украшенные по лицевой стороне ажурным растительным орнаментом, были встречены пока только в захоронениях типа Соколовская балка, приписываемых собственно хазарам. Точные аналогии нетайловской накладке найдены в кургане 6 могильника Веселовский, в погребении 1 кургана 2 могильника Обозное и в погребении 2 кургана 1 могильника Саловский, датированных 40–50 гг. VIII века [2, табл. 3: 6–8; 20, рис. 17: 16–18; 37, табл. 1: 2, 4, 7]. Использование в орнаменте нетайловской и подобной ей накладок цветков лотоса позволяет предположить, что данные изделия, по-видимому, следует датировать самым концом хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская, скорее всего — 760–790 гг. Политический разрыв между Хазарским каганатом и Византией, наступивший после заключения брака арабского наместника Восточного Закавказья Йазида ас-Сулама и дочери хазарского кагана Хатун в 759/760 гг. [38, с. 241–242], сопровождался и разрывом в области материальной культуры, выразившийся в полном отказе от византийских традиций и началом освоения салтовскими мастерами лотосовидного орнамента (80–90 гг. VIII века) [2, с. 129–133; 14, с. 112; 39, с. 45, рис. 4: 1–5]. Именно это и наблюдается на накладке из погребения № 498 и ей подобным, тогда как ранние бляшки-накладки прямоугольной формы в основном представляют серебряную или золотую неорнаментированную пластину (Перещепина, Клин-Яр III, Столбище и др.) [2, табл. 3: 1–5].

Таким образом, открытые новые захоронения Нетайловского могильника (№ 491, 498) дополнили число погребальных комплексов, дающих представление о начальном этапе становления салтовской культуры в бассейне Северского Донца, дополнив собой группу погребений (№ 132, 134, 139, 164 «Б», 215, 250, 267, 380, 413) хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская, открытых на этом же некрополе в предыдущие годы.

Ключевые слова: салтовская культура, Нетайловский могильник, погребение, турко-угорское население, поясная гарнитура.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.
2. *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // *Vita antique*. — 1999. — № 2.
3. *Комар А. В.* Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры // *Finno-Ugrica*. — 2000. — Вып. 1(4).
4. *Крыжанов А. В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // *Проблемы археологии Поднепровья*. — Днепропетровск, 1989.
5. *Крижанов А. В.* Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // *Археологія*. — 1993. — № 2.
6. *Деотик В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—X вв. // *СА*. — 1961. — № 3.
7. *Хоружая М. В.* Бусы из захоронений Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 г.) // *Хазарский альманах*. — 2007. — Т. 6.
8. *Аксенов В. С.* Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. — 2001. — № 1–2.
9. *Аксенов В. С.* Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antique*. — 1999. — № 2.
10. *Хоружая М. В.* Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 г.) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. — Донецк, 2009. — Т. 7.
11. *Красильников К. И.* Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. — Донецк, 2009. — Т. 7.
12. *Аксенов В. С.* Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII—IX вв.) // *РА*. — 2006. — № 2.
13. *Аксенов В. С., Хоружая М. В.* Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.) // *Хазарский альманах*. — 2005. — Т. 4.
14. *Аксенов В. С.* Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. — Донецк, 2009. — Т. 7.
15. *Пьянков А. В., Тарабинов В. А.* Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (раскопки 1989 г.) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. — Армавир, 2004. — Вып. 3.
16. *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма)*. — Самара, 2001. — Т. 2.
17. *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. — К., 1993.
18. *Айбабин А. И.* Могильники VIII—начала X вв. в Крыму // *МАИЭТ*. — Симферополь, 1993. — Т. III.
19. *Богачев А. В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования (по материалам поясных наборов IV—VIII веков Среднего Поволжья). — Самара, 1992.
20. *Копылов В. П., Иванов А. А.* Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // *Материалы и исследования по археологии Дона*. — Москва, Иерусалим, 2007. — Вып. II.
21. *Каминский В. Н.* Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // *СА*. — 1987. — № 4.

22. *Кухаренко Ю. В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине//КСИ-ИМК. — 1951. — Т. ХLI.
23. *Федоров-Давыдов Г. А.* Погребение хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье//Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984.
24. *Иванов А. А., Копылов В. П., Науменко С. А.* Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала//Донская археология. — 2000. — № 1.
25. *Круглов Е. В.* К вопросу об этнокультурной характеристике подкурганных погребений салтово-маяцкой культуры (по материалам восточной группы памятников)//Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. — Донецк, 1989.
26. *Иванов А. А.* Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII—первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. ... канд. ист. наук. — Волгоград, 2000.
27. *Казаков Е. П.* Об одном из вариантов культа коня в средневековых памятниках Евразии//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981.
28. *Казаков Е. П.* О культе коня в средневековых памятниках Евразии//Западная Сибирь в эпоху средневековья. — Томск, 1984.
29. *Казаков Е. П.* О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья//Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1989.
30. *Бокий Н. М., Плетнева С. А.* Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула//СА. — 1988. — № 2.
31. *Приймак В. В., Супруненко А. Б.* Венгерское погребение в кургане у с. Твердохлебы Кобелякского района//Курганы Нижнего Поворскля. — М.; Полтава, 1994.
32. *Халикова Е. А.* Погребальный обряд Танкеевского могильника//Вопросы этногенеза тюрко-язычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971.
33. *Генинг Г. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. — М., 1964.
34. *Атавин А. Г.* Погребения VII—начала VIII вв. из Восточного Приазовья//Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. — Самара, 1996.
35. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура//Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
36. *Zironkina O.* Seltene Perlenformen des chasarenzeitlichen Graberfeldes von «Netailovka» (Metallovka) am Nordlichen Donec (Severskij Donec)//Perlen. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. — Bonn, 1997. — Band 1.
37. *Комар О. В., Піоро В. І.* Кургани хозарського часу на Луганщині//Vita antique. — 1999. — № 2.
38. *Артамонов М. И.* История хазар. — М.; Л., 1962.
39. *Фонякова Н. А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв.//СА. — 1986. — № 3.

Резюме

Аксёнов В. С. *Нові ранньосалтівські поховальні комплекси Північно-Західної Хозарії*

Робота присвячена двом похованням (№ 491, 498), що були досліджені у 2009 р. спільною археологічною експедицією Харківського історичного музею та Харківської державної академії культури на Нетайлівському ґрунтовому могильнику салтівської археологічної культури. Поховання № 491 належить воїну-вершнику. Серед речей,

що походять з даного поховання, привертає увагу поясний набір, котрий складався з поясної пряжки, дев'яти поясних бляшок, наконечника поясу. Усі деталі поясної гарнітури знаходять широкі аналоги в поховальних комплексах типу Соколовської балки, котрі пов'язуються з хозарами, що дозволяє датувати дане поховання 740–775 рр. н. е. Розташування залишків коня в могильній ямі вказує на приналежність похованого чоловіка до привілейованої групи тюрко-угорського населення салтівської культури, а не до хозар. Поховання № 498 належало жінці, та було пограбовано у давнину. Серед поховального інвентарю виділяється срібна бляшка-оправа, котра знаходить собі прями аналогії в похованнях типу Соколовської балки. Бляшка датує дане поховання 770–790 рр. н. е. Таким чином, обидва поховання ілюструють собою стан матеріальної культури населення басейну Сіверського Дінця на етапі становлення у даному регіоні салтівської археологічної культури (хронологічний горизонт Столбіще—Старокорсунська).

Ключові слова: салтівська культура, Нетайлівський могильник, поховання, тюрксько-угорське населення, поясна гарнітура.

Summary

V. Aksyonov. The New Sepulchral Complexes of the Early Saltov From the North-West Khazaria Territory

The work deals with two burials (№ 491, 498) investigated in the year 2009 by the joint archaeological expedition of Kharkiv History Museum and Kharkiv State Culture Academy at the Netailovsk ground sepulchre of the Saltov archaeological culture. The burial № 491 belongs to a warrior rider. In this burial inventory stands out a waist plate consists of belt buckle, nine waist pendants and a belt tip. A close analogy of all the details of the waist suite can be made with the sepulchre complexes like Sokolovskaya Balka, which is supposed to be possessed by the Khazars, and it gives a possible date of this burial, which is 740–775 years A.D. The disposition of horse remains in the grave points at a buried man's belonging to a privileged group of Turkic-Ugorsky population of the Saltov culture, but not to the Khazars. The burial № 498 belonged to a woman and was plundered in the ancient times. A silver pendant-frame which can be directly compared with those in many burials like Sokolovskaya Balka, stands out in the burial inventory. The pendant dates this burial to 770–790 years A.D. Thus, the both burials illustrate the material culture condition of the peoples of the Seversky Donets basin in the making Saltov archaeological culture in this region (the Stolbistche-Starokorsynskaya is the chronological horizon).

Key words: Saltov culture, Netailovsk sepulcher, burials, Turkic-Ugorsky population, waist suite.

